

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Рец.: В. Розанов, «Когда начальство
ушло...», 1905–1906 гг.

С. VIII + 429, СПб., 1910 г., ц. 2 р.

Странная, неожиданная книга, как странен, неожиданен сам Розанов; он странен по выбору своих стратем; начнет описывать черные полосы еврейского *таллеса*, и от описания одежды перескочит к всемирно-историческому вопросу о судьбах еврейства и христианства; или обратно: начнет углублять непонятные тексты «Апокалипсиса», а кончит тончайшими психологическими черточками, характеризующими быт супружеских отношений. От описания костюма — к концу всемирной истории; от конца всемирной истории — к Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне. В углублении любой житейской мелочи до ее вечного символического смысла видит он свою миссию: таблица из «Изумрудной скрижали»¹ — «все, что вверху, то и внизу» — превращается у Розанова в парадокс: в *мельчайшем крупнейшее*, в *конкретнейшем абстрактнейшее*; и он весь рассыпается в *конкретнейшее*; поверхность его писания — просто собрание слов, черточек лица, предметов, жестов, цитат; и может показаться, что у него нет мыслей; но у него есть во всяком случае одна мысль, мысль Тота-Гермеса, мысль «Изумрудной скрижали»: «Все, что вверху, то и внизу». Эта мысль есть мысль практического оккультизма всех времен и народов; из мужского семени строится мир, история, судьбы народов; деторождение равно мирозданию; половой акт равен творческому слову; быт вытекает из семьи; история — из быта. Розанов — наиболее бытийственный писатель нашего времени; философские, социальные и эстетические задачи нашего времени ставит он в зависимость от быта, быт — от семьи, как условия деторождения, а семью — от пола; вот почему в мелких черточках, характеризующих супружескую жизнь, видит он магию религиозного, бытового и исто-

рического творчества; у него одна мысль; он ее многократно, многообразно доказывал; а последние годы он уже только показывает на фактах справедливость своей мысли; вот почему не словами, не мыслями, не идеологией он входит нам в душу; он опрокидывает на нас поток *мелких бытовых черточек*, так или иначе подобранных; его мысль тонет в потоке черточек, сверкает миллионами живых проявлений, как бесплотный солнечный луч, она сверкает в тысячах живых капельках росы; в этом умении бесконечно варьировать свою тему — все богатство Розанова-публициста.

В последней книге Розанова «Когда начальство ушло» — еще одна вариация на старую тему оправдания революции, но какая новая вариация! Мы привыкли оправдывать освободительное движение наше отвлеченно: этическими, религиозными, политическими и социально-экономическими принципами; мы привыкли видеть правду освободительного движения, высказанную в отвлеченных принципах; наоборот, условия быта казались нам часто элементами консервативными по отношению к отвлеченным лозунгам наших стремлений; и певец быта, Розанов, в силу одной своей темы нам казался певцом отживающего прошлого; не мог не казаться им; да и сам заявлял многократно, многообразно о своем равнодушии к отвлеченным принципам общественности. Мистика Розанова часто казалась мистикой традиции, как чудился подозрительный, недобрый взор Розанова, брошенный в сторону отвлеченных утопий.

И вот сказал Розанов свое слово о том, что мы все пережили; он сказал это слово *так*, как никто, кроме него, не мог его сказать; но сказал он *то*, чего многие от него не могли вовсе и ожидать. Ласково улыбнулся Розанов там, где ждали от него угрюмого взора непонимания; в реально происходивших событиях прошлого он прочел жизнь и правду; в тысячах людей, с его точки зрения оторванных от быта, он увидел кровь и плоть этого быта, в «*безбожниках*» увидел «ангелов». «*Явились как будто “безбожники”, а работают как ангелы, посланные Богом*» (с. 14).

«*Явились как будто безбожники, а работают как ангелы, посланные Богом*», — удивляется Розанов и, как всегда, не доказывает отвлеченно правоты своего удивления, а зарисовывает недавнее прошлое в художественных картинах: вот митинг, Дума, Родичев; вот — кадеты; а вот — трудовики, — ряд великолепно исполненных фотографий с натуры, лишь слегка ретушированных лейтмотивом всей книги: «*Явились как будто безбожники, а работают как ангелы*». И этот ретушь превращает живые фотографии в художественные образы.

Книга Розанова — живая запись истории; это — документ; и вместе с тем это — характеристика событий 1905–1906 года с исключительно редкой точки зрения. Недоставало лишь этой точки зрения на события недавнего прошлого; и Розанов пополнил пробел: сделал то, что только он один мог сделать.

Но наиболее ценен мягкий пафос гуманизма, дышащий с каждой страницы и редкий у Розанова, писателя скорее жестокого, чем мягкого.

«Были ли они религиозны? Нет. Но, может быть, они были нерелигиозны? Опять нет. Международны, интернациональны? Снова — нет и нет. И как сестра милосердия на вопрос об этом ответила бы только: “Я стесняюсь ответом. Я училась перевязывать раны”» (с. 32).

В событиях недавнего прошлого Розанову открылся прежде неведомый религиозный пафос неведомой прежде религии. И как изображенная им интеллигентка, стесняющаяся ответить на религиозные темы Розанова, сам Розанов лишь зарисовывает поразившие его вопреки ожиданию картины, как бы говоря нам: «Я стесняюсь ответить». И далее: *«Я согласен, что “кадеты” почти революционеры: но — с культурой, за которую держатся... Вот вещь, которую нужно держать в уме раньше, чем осудить за что-нибудь кадетов» (с. 273).* «Эстетика, эта проклятая эстетика, которой отравились русские... — я видел, что она одна управляет суждениями и этих милых (консервативно настроенных) и так глубоко мною чтимых девушек...» (с. 303). И далее важное признание певца быта: *«Сгорели в пожаре Феникса отечества религия, быт, социальные связи, сословия, философия, поэзия. Человек наг опять. Но чего мы не можем оспорить, что бессильны оспорить все стороны, это — что он добр, благ, прекрасен».* Это ли не оправдание революции?

